

Жити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Матьяна
ТРОНИНА

*П*РАВИЛА
КОРОТКИХ СВИДАНИЙ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Т73

Дизайн обложки *Е. Куликовой*

Редактор серии *В. Горюнова*

В коллаже на обложке использована фотография:

© Vikulin / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тронина, Татьяна Михайловна.

Т73 Правила коротких свиданий : роман / Татьяна Тронина. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-201895-4

Лизу и Адама вполне устраивают свидания без обязательств. Лиза избегает серьезных отношений, она счастлива в своем закрытом беззаботном мирке. Адам же открыт для большего, и эти встречи рано или поздно станут не нужны — родные нашли ему невесту-хозяйку.

Но что произойдет, когда наступит время неизбежного расставания? Что если эти короткие встречи — и были их главной радостью? За которую можно отдать все...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тронина Т., 2024

© Оформление.

000 «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201895-4

Холода наступают внезапно. Совсем недавно было лето, а тут раз, словно переключатель повернули, — и вот уже под утро из полуоткрытого окна на меня вдруг повеяло чуть ли не арктическим холодом, хотя до настоящих морозов далеко, ведь сейчас еще сентябрь.

И я в первые минуты после своего пробуждения обреченно подумала, что такая неуютная погода — на ближайšie полгода.

Впрочем, тут же строго напомнила себе — надо жить дальше. Да, впереди царство тьмы и холода, ну и что теперь? Ныть и раскисать? Существует же много маленьких радостей, способных поднять настроение. Чашка горячего кофе, например. На полке в холодильнике у меня стоит йогурт со вкусом пломбира — сливочный-сливочный, нежный и плотный одновременно, именно той консистенции, что я люблю.

Из других развлечений — чтение новостей (тоже подобраны по моему вкусу), общение с избранными френдами в Сети. После завтрака и просмотра новостей можно и поработать, или как еще называлось это мое занятие, приносящее небольшой доход...

Кстати, позже, уже днем, хорошо бы отправиться на прогулку в парк. В чудесный московский парк, уютный, ухоженный, красивый и относительно безопасный.

Да я живу в сто раз лучше многих, стыдно поддаваться осеннему унынию! А Новый год станет перекидным мостиком до весны, этот праздник не даст утонуть в полынье безвременья или завязнуть в сугробах скуки — на длинной холодной дистанции.

Совести у меня нет, с жиру я бешусь (в переносном смысле), вот что. Хандрю из-за пустяков!

С другой стороны...

Но это же я, я, которая у себя одна, почему я должна обязательно жить с оглядкой на других, на весь мир? Разве я виновата в том, что другим живется хуже? Должна ли я на этом основании принижать свои чувства, обесценивать собственные эмоции? Разумнее признать, что с осени до весны у меня хандра, я все делаю через силу, и, как бы я ни веселилась и ни развлекалась, нотка горечи преследует меня, она везде и во всем — и в кофе, и в йогурте, и прелая листва в парке тоже пахнет ею.

Как избавиться от сезонной хандры — я не знаю, наверное, стоит подумать о лекарствах, но к ним у меня давняя неприязнь.

Звякнул телефон.

Я протянула руку к прикроватной тумбочке, нашарила его, нажала на экран. Сообщение от Адама, состоящее из смайликов. Или из эмодзи, как там еще эти значки называют?.. Словом, послания Адама состояли из символов. Подобными символами обменивались люди, жившие в те времена, когда письменность еще не изобрели. Ну что ж, надо признать, человечество возвращается к своим истокам (тут, после этой фразы, следует поставить улыбающийся смайлик).

Я уже научилась расшифровывать пиктограммы Адама, да ничего сложного в них и не таилось. Они были в основном двух видов: когда Адам информировал меня о своем прибытии и когда он делился со мной своим настроением. Или не настроением, а это были послания ни о чем, в которых встречались то солнышко, то зонтик, то опять какие-то зверюшки или механизмы. Я в тот раздел его сообщений даже не углублялась, и без того было понятно: вот Адам радуется, вот — грустит. Или это вовсе не про эмоции, а о погоде он мне пишет? Ну, неважно.

Сообщения Адама первого вида являлись более информативными. Как, например, это, сегодняшнее: цыпленок, автомобиль, электронные часы, показывающие девять ноль-ноль. С новой строки — спидометр, молния, знак десять в красном круге и слово «как» с вопросительным знаком.

Все ж понятно.

Цыпленок — это обращение ко мне. Я и есть цыпленок, вернее Птен — так называл меня Адам. «Птен, — докладывал мне сейчас Адам с помощью смайликов-эмодзи. — Смогу приехать к девяти. Времени у меня очень мало, не больше десяти минут, придется все сделать быстро-быстро. Как, приезжать сейчас к тебе или нет?»

Я задумалась. Прислушалась к себе. Ничего во мне не откликнулось, не отозвалось на этот вопрос. Фоном шло лишь ощущение раздражения, досады. И вот как с таким настроением соглашаться на свидание?

Адам мне не нравился, хотя присутствовал в моей жизни довольно давно, он время от времени заваливался ко мне с короткими визитами. Это были гостевые отношения ни о чем... да это даже не гостевые отношения, а что-то совсем примитивное и убогое, чего, наверное, надо стыдиться и скрывать от окружающих.

Хмурясь, я смотрела на экран. Адам находился в Сети, он явно ждал моего ответа. Я нажала на картинку в виде поднятого большого пальца.

Тем самым соглашаясь на условия Адама. Я подтвердила, что жду его. Он может приехать, у нас с ним целых десять минут на свидание, какая, однако, роскошь — целых десять минут... (тут опять надо поставить улыбающийся смайлик).

Мне ничего не хотелось уже — ни есть, ни пить, ни лезть в интернет за общением. Я смогла только умыться, причесываться вообще не стала, потому что это та еще морока.

Накинув на себя плед, я вышла на балкон.

Солнце и холод. Листва еще не осыпалась, в кронах деревьев мелькало много зеленых оттенков, но осень чувствовалась уже везде и во всем. Пахло тоже осенью, а этот белый бесстрастный свет, льющийся с неба, навевал ощущение безнадежности... и холодно, холодно. Градусов десять сейчас от силы?

На меня совсем тоска напала. Я даже пожалела, что согласилась на визит Адама. Может, позвонить ему сейчас, отменить все? Или нет, пусть мне будет еще хуже, совсем плохо — может, хоть тогда я решусь на какие-то перемены в своей жизни?

Десять минут на то, чтобы заняться любовью, это очень мало. Ни полноценной прелюдии, ни каких-то особых нежностей, ничего. Это унижительно, и унижительно для меня в первую очередь, потому что это *мне* ставят подобные условия.

Но. Но... У Адама совсем нет времени. Он может вырваться совсем ненадолго, максимум на час. Иногда и вовсе вот такой цейтнот, когда у Адама лишь десять минут в запасе. Это не его прихоть, не его пренебрежение мною — это *его* жизнь.

Не Адам меня унижает, к нему никаких претензий вообще, это я унижаюсь, соглашаясь на жалкие десять минут. (Даже не на одиннадцать, если вспомнить одного современного классика, которого я не понимаю, кстати, ибо не мой это писатель, совсем не мой.)

Но почему же я согласилась на эти десять минут? А потому, что ко всему можно приспособиться. Даже больше того, когда мало времени, то сам «процесс» происходит как-то... проще и легче, что ли? И удовольствие во время этих экспресс-свиданий я получаю всегда и стабильно, потому что никаких лишних мыслей у меня не успевают возникнуть. Ничего не отвлекает меня, когда цель — одна.

Вот и сейчас, когда я подумала о том, ради чего я терплю Адама, то невольно стиснула в пальцах края пледа... В предчувствии того, что меня ждало. На миг мне даже показалось, что солнце не бесстрастно-белое, осеннее, а оно по-летнему обжигает мне губы и кожу на груди, тот маленький островок под ключицами, что я не прикрыла шерстяной тканью. Да, я раздражена, меня переполняет досада, мне не до Адама, но только его визит поможет улучшить мое настроение. Это надо признать и смириться.

...Из-за дальнего угла дома вырулил во двор большой черный пикап, остановился напротив моего подъезда. Адам? У мужчины, вышедшего из пикапа, довольно длинные темные волосы, широкие плечи, основательная такая походка, когда каблуки у обуви словно впечатываются в асфальт... Да, это он, Адам, вышел из машины. Он, он. Тот, кого я ждала. Но, похоже, Адам приехал не один, еще кто-то сидел рядом с водительским местом (было видно силуэт), этот человек так и остался в машине.

А Адам тем временем зашагал прямо к подъезду.

Я вернулась в комнату, бросила плед на стул, подбежала к домофону. Раздалась мелодичная трель, прямо мне в ухо. Я сорвала трубку:

— Да?

— Это я, — прозвучал голос Адама — низкий, глухой, какой-то горловой, резкий, неприятный. Когда Адам громко произносил что-то на публике, то обычно на него все оборачивались.

Я нажала на кнопку, открывая дверь вниз.

Через пару минут Адам уже перешагнул порог моей квартиры.

— Птен, привет, — сказал он, нависая надо мной — его метр девяносто пять против моих метра шестидесяти. Хотел обнять, но я оттолкнула его:

— А руки? — Я указала на пачку влажных салфеток, лежавших на полке под зеркалом.

Адам фыркнул, вытянул салфетку из пачки, тщательно вытер ею руки, смятый ком бросил в корзину для мусора, что стояла тут же.

Потом опустился на неширокую скамейку — с кованым основанием, тяжелую и прочную, притянул меня, усадил к себе на колени, развел в стороны полы моей длинной рубашки и издал что-то вроде стоны сквозь стиснутые зубы.

...У Адама были ужасные руки. Грубые, жесткие, шершавые, которые всегда царапали мою кожу. Пальцы и ладони Адама — сизые, с въевшимся в углубления папиллярных узоров металлом. Эти темные разводы не отмыть, я давно поняла, я уже смирилась.

Руки кузнеца. Да, у Адама — именно эта, редкая нынче, профессия... Почти все его родные по мужской линии являлись кузнецами — он, его отец и его сводный брат Виктор. Семейный бизнес. Бизнес, который занимал все сво-

бодное время. У Адама не было ни жены, не детей, но зато мне приходилось делить своего любовника с его работой.

Мужчины в семье Адама вечно выполняли чьи-то заказы — то они ковали перила, ограды, канделябры, садовую и домашнюю мебель (наподобие вот этой скамейки, на которой мы сейчас сидели, ее сюда Адам и притащил, кстати), то изготавливали оружие — кинжалы и мечи... Не настоящее оружие, как я поняла, а скорее сувенирное. А иногда мужчины рыскали по окрестностям в поисках подходящего металла, добывали его — на каких-то свалках, у перекупщиков, еще где-то. В подробности семейного бизнеса своего любовника я не вникала, неинтересно.

Чем занимались женщины в этой семье, я представляла тоже весьма смутно. Вроде мачеха Адама и жена его брата отвечали за домашнее хозяйство, за быт, за детей (у Адама было двое племянников), еще дамы снимали какие-то видеоролики о том, как ухаживать за садом и огородом и как готовить и делать заготовки на зиму, выкладывали ролики в соцсети... Женщины в той семье блогеры, короче. Это занятие было мне немного понятнее, даже учитывая то, что уход за садом и огородом меня совершенно не волновал. Но я не пыталась отыскать эти поучительные видео в социальных сетях. Зачем? Я глубоко городской человек, никакая сила не заставит меня заниматься рассадой и даже цветами, тем более и дачи-то у меня нет.

Словом, Адам себе не принадлежал, он являлся частью семейного клана Громовых. Скорее всего, и сегодня они с братом (наверняка это он остался сидеть в машине) собирались ехать за металлоломом, потому Адам и торопился. Иначе их заказ мог уплыть еще куда-то.

Прелюдия все-таки присутствовала сейчас, как же без нее. Самая обычная прелюдия — поцелуи и прикосновения.

Я чувствовала на своей груди тяжелые, шершавые ладони Адама. Он мял и тискал меня, как, наверное, делали его предки-мужчины тысячи лет назад. Незатейливые, но, надо признать, имеющие эффект движения. Почему прикосновения Адама так заводили меня — я не знаю. В Адаме не было никакой нежности (впрочем, как и грубости, честно скажу, он никогда не причинял мне боли, да я бы и не потерпела такого), а был один лишь... примитив, или как это еще назвать?

Поцелуи Адама тоже не отличались изысканностью и ловкостью. Он целовался так, как и должен целоваться э-э... кузнец. И вообще. У него были слишком большие зубы, большой язык — а это неудобно, у меня сейчас челюсть даже заняла немного. Я не нуждалась в каких-то особых ухищрениях, и даже, хуже того, я их и не хотела, тактильный голод был мне несвойственен, поэтому меня с самого начала знакомства с Адамом не покидало ощущение, что вот это все — временно. Ведь я хотела простоты, а вовсе не примитива.

Адам — не мой человек, не мой мужчина. Говорят, любовников выбирают по запаху, так мне и запах Адама тоже не нравился. Мой любовник, судя по всему, курил сегодня. Не сразу перед визитом ко мне, а полчаса назад, быть может? Скотина. Я же просила.

Запах тела Адама меня тоже не устраивал. Нет, Адам — не грязнуля, он не из тех мужиков, которые забывают о душе и не пользуются дезодорантами, его природный запах — не отвратительный, но он какой-то уж слишком явный, с отчетливой, неистребимой ноткой мускуса, не мой совсем. Это запах чужого мужчины.

Адам некрасивый. Даже не так, он — страшный. Фигура у него еще ничего, а вот лицо откровенно пугающее. Грубое, жуткое. Давний шрам через всю щеку — уже не особо выделяющийся, но заметно перекосивший его лицо. Вы-

вернутые наружу большие губы. Взгляд... да как у маньяка у Адама взгляд, тяжелый и напряженный. Волосы — темные, довольно длинные, чуть вьющиеся на концах, иногда Адам забирал их сзади в хвост. А что может быть непривлекательнее мужского хвоста?

Наверное, еще кое-что, но вот это самое «кое-что» меня тоже не особо устраивало, конкретно — своей избыточностью в длину, поэтому нам во время свиданий приходилось использовать так называемый ограничитель. Нечто вроде резинового бублика, сокращавшего длину «достоинства» Адама.

— Время... — невнятно, хрипло произнес Адам. Отстранил меня, принялся расстегивать прыгающими пальцами всякие «молнии» и пуговицы на своей одежде. До конца раздеваться не стал — там приспустил, здесь приподнял. Затем лег спиной на скамейку, ногами в ботинках сорок пятого размера достал до входной двери, уперся в нее.

«Одинокий небоскреб посреди пустынной равнины... — глядя на Адама, с сарказмом подумала я, потом спохватилась: — И почему мне вечно лезет в голову разная ерунда?! Так, а где наш «бублик»?» А вон он, тут же, на комод, вместе с пачками салфеток, специальным гелем для смазки...

«Бублик» я торжественно водрузила на «достоинство» Адама, словно устанавливая нижнюю часть детской пирамидки, затем перекинула ногу сверху.

Адам зажмурился, застонал, когда я потихоньку стала опускаться на него. Как это бесило меня, все эти его звуки, которые он издавал. Как меня сейчас раздражало его лицо, и без того странное, а тут еще и перекошенное страстью. Он — настоящий Квазимодо.

— Тише, пожалуйста, — прошипела я.

Я ненавидела себя за то, что я с ним, за то, что я сейчас делаю, и то, как я это делаю и где делаю. Не в постели,

а в прихожей, причем мой любовник в башмаках и не раздетый до конца — потому что на счету каждая минута.

Наверное, нечто подобное чувствуют люди с лишним весом и проблемами со здоровьем, когда, махнув на все рукой, поедают всякую бесполезную еду. Это ужасно, но прекратить почему-то невозможно. И человек остервенело ест, ест, заталкивает в себя еду, не в силах остановиться... Мои ощущения, судя по всему, из этой же оперы.

Все плохо, все отвратительно. Но мне именно этого и надо. И уже нечего стесняться и стыдиться. Да и Адама я не люблю, он меня совершенно не волнует, поэтому можно расслабиться и, стиснув зубы, извиваться на нем, и уж лучше я буду это делать, чем Адам. Потому что если он вздумает залезть на меня сверху и начнет тут всерьез двигаться, то разгромит всю мою прихожую... Случалось уже такое. Недаром эту скамейку именно он сюда и притащил, поскольку на счету Адама — сломанные диван и банкетка.

Адам, конечно, старался молчать, да и я тоже... Вдруг там, под дверью, на лестничной площадке, соседи стоят у лифта? Не хотелось бы становиться объектом сплетен.

Поэтому лишь изредка мы с Адамом перекидывались короткими фразами, междометиями — о том, быстрее или медленнее надо двигаться, скоро ли финал и все такое. Вот тут у нас все с ним совпадало, тут мы могли работать командой и хоть как-то взаимодействовать.

— Не сейчас, — командовала я, ерзя на нем.

— Тогда... медленнее, — попытался придержать он меня рукой.

— Здесь! Вот так! — сквозь зубы сказала я и прижала его шершавые ладони к своей груди. — Двигай слегка по кругу.

— Нет. Да... — прошептал он одними губами.

— Да... — выдавила я из себя. — Сейчас. Да-а...

Вот ради этих мгновений все и затевалось. Мы подошли к финалу одновременно.

Адам уже не мог удержаться от глухого рычания, поэтому я прикрыла ему рот ладонью.

Воцарилась плотная тишина, полная последних содроганий, попыток догнать уже ускользающие ощущения. Но в какой-то момент пришло осознание — все, точка. Больше уже ничего не поймать.

Я выдохнула, пару секунд еще помедлила, затем осторожно слезла с Адама и сразу потянулась за салфетками. Как в нем много этой жидкости, тоже избыточно много, какой-то невысказанный перебор. И Адам щедро забрасывает вот это все в меня, и как это тоже неприятно, потому что потом оно течет по ногам и щекочет кожу на внутренней поверхности бедер. И пахнет — совсем не духами.

В кармане толстовки Адама запел, затрепыхался телефон.

— Да иду я, иду, — пробормотал Адам. — Это Виктор, он внизу меня ждет, в машине. До пробок нам надо успеть на склад заехать.

Адам поднялся со скамейки, тоже потянулся за влажными салфетками. Времени принять душ у него не было, поэтому специальные салфетки очень выручали во время этих быстрых свиданий, когда каждая минута на счету.

«Бублик» Адам положил на поднос рядом. Я потом его вымою и положу обратно в ящик.

Адам, морщась и гримасничая, усердно вытирал себя салфетками и бросал их в корзину.

— Могу приехать на следующей неделе, — сообщил он, расправившись с салфетками; подтянул джинсы, которые стреноживали его ноги в районе щиколоток. Застегнул молнию, щелкнул металлической пряжкой на ремне. Одернул

футболку, затем расправил толстовку, что была накинута у него поверх футболки.

Я взглянула на настенные часы — в десять минут мы не уложились. Свидание заняло семнадцать минут. Даже восемнадцать...

— Я могу приехать в следующую среду, — своим низким, рокочущим, горловым голосом опять произнес Адам. Даже не произнес, а пророкотал.

— Тише... Нет, у меня дела.

— Какие еще дела? А, понял. Ладно, тогда еще через неделю. Блин, Птен, я каждый раз умираю, почему так долго... Все, пока, до встречи. — Он поцеловал меня. — Пока, Птен!

Я заковыляла за ним (ноги как-то свело после этих «скачек»), закрыла дверь на все замки и направилась в ванную комнату. Кое-как заколола волосы на макушке, затем полезла под душ.

Пожалуй, мой день начался именно с этого момента. Когда я смывала с себя всякое напоминание об Адаме, его запахе, вообще о сегодняшнем свидании.

Пока стояла под теплыми, расслабляющими струями воды, ноги у меня перестали подкашиваться и ныть.

Адама больше не было, а осталась лишь я — чистая, легкая, спокойная. Пустая, как будто звонкая. В состоянии отзываться и реагировать на сигналы, идущие от окружающего мира; способная думать и двигаться, и жить дальше эту жизнь, но уже без мучительных терзаний. Какое-то время можно продержаться — до следующего приступа меланхолии.

В принципе, Адам не так уж и плох, зря я на него злюсь. Да, он любовник, а не любимый, я его едва терплю, но то, чего я жду от него, он делает хорошо. Вернее, у нас с ним — получается, и получается именно то, чего я хочу.

А поначалу, когда мы только познакомились с Адамом, все выглядело не столь радужно. Адам тогда мне признался, что буквально на стену лезет без женщины, а я... ну а мне как-то неудобно уже было оставаться девственницей.

В первые раза два или даже три (точно уже не помню) у нас с Адамом вообще ничего не вышло, мы только промучились, и без всякого результата. Я даже думала, что со мной не все в порядке и у меня какая-то редкая аномалия, делающая невозможным проникновение внутрь.

А потом вдруг получилось, но мне было страшно некомфортно — до тех пор, пока Адам не озаботился о приобретении специального ограничителя. И вроде бы уже все пошло на лад, но тут я стала бояться, что могу забеременеть, несмотря даже на то, что Адам пользовался презервативами. (И мне они не нравились, вот честно, какими бы незаметными их ни старался делать производитель.)

Я решила, что мне нужны еще, в качестве дополнительной защиты, гормональные контрацептивы...

Но от них у меня неожиданно началась такая депрессия, такие перепады настроения, что я себя не узнавала. Я перепробовала несколько видов таблеток (не сама их себе назначала, конечно, все обсуждали с врачом), но, на удивление, ни одни мне не подошли. Мой организм реагировал на лекарства очень странно — то перепадами настроения, то рвотой, то головными болями. Либи́до у меня на тот момент пропало совсем — это оказалось побочным эффектом таблеток. Кроме того, выяснилось, что таблетки повышают у меня свертываемость крови, которая может привести к очень нехорошим последствиям. А хуже всего было то, что приходилось постоянно помнить о времени их приема, и тут мне никакие «напоминалки» не помогли. Я бесилась, я чувствовала себя несвободной — с этой вечной привязкой ко времени.

Это был не мой способ предохранения, короче, я даже сменила врача.

Мы с ней, с новым врачом, решили попробовать спираль. Внутриматочную спираль нерожавшим не ставят — это опасно, много противопоказаний и тоже возможны очень неприятные последствия. И другой момент — спираль не спасает от заражения всякими нехорошими болезнями.

Но противопоказаний для установки спирали у меня не оказалось (сдала кучу анализов, провела диагностику — УЗИ и прочие исследования), а заразиться чем-либо я не боялась, поскольку у нас с Адамом с самого начала имелась договоренность — никаких других параллельных отношений, ни с кем. Мы даже анализы дружно сдали перед тем, как начать серьезно встречаться. Мы оба были чисты и знали об этом.

К счастью, мой организм воспринял спираль спокойно, не отторг ее, как часто бывает, особенно у нерожавших.

Словом, после довольно долгих мучений у нас с Адамом все наладилось. И даже вечная занятость Адама не являлась препятствием для наших отношений. А что такого, у нас с ним секс онли и никакой романтики. Нам не нужны совместные прогулки, походы в кафе, говорить нам с Адамом было не о чем, так что быстрые встречи раз или два в неделю нас вполне устраивали.

В нежности, заботе и утешениях я не нуждалась.

Я — неласковая, надо честно признать.

Я терпеть не могу, когда со мной сюсюкают и в прямом и переносном смысле пытаются взять «на ручки». Командовать мной невозможно, а подстраиваться под другого человека я не в состоянии.

Я люблю быть одна, я испытываю наслаждение от уединения. И да, мне требуется иногда разрядка, вот для таких случаев мне и нужен Адам.

Адам — он, в общем, хороший, повторю. Это мы удачно друг друга нашли. Он весь в работе, в семейном бизнесе, а я одиночка по жизни. Я ему верю, а он верит мне, поскольку мы с ним хотим одного — заниматься сексом, получая только наслаждение и не беспокоясь о последствиях.

Адам нравится мне как партнер, но как человек он меня тоже не устраивает.

Наши с ним отношения — это только про физиологию. Мы люди, но, к сожалению, в нас осталось немного от животного. Совсем немного. Но оно осталось. Процентом десять. И чтобы оно, это животное, не захватило нас полностью, не стало нами управлять, мы с Адамом и встречались. Чтобы остальные девяносто процентов нашей жизни мы смогли провести людьми. Наши с ним встречи — для того, чтобы немного утихомирить в себе это грубое, звериное начало.

Мне на данный момент исполнилось двадцать девять лет, Адаму — тридцать один. Наверное, рано или поздно он захочет жениться. Найдет себе подходящую девушку и расстанется со мной.

Я бы тоже хотела найти свою настоящую любовь. Быть может, мне повезет, и я встречу человека, рядом с которым я почувствую себя счастливой. Я, конечно, одиночка, но не настолько. Когда-нибудь, когда-нибудь — все может случиться. Найду еще кого-нибудь, способного заменить Адама. Кого-нибудь, кого-нибудь...

Ну а если ничего не случится и я так и останусь одна, то я из этого не стану делать трагедии.

Я вышла из ванной свежей, спокойной, в умиротворенном настроении. Меня уже не волновала наступившая осень с ее холодами, отступили все переживания, и воспоминания о прошлом больше не преследовали меня, я жила сегодняшним днем.

Кто сказал, что после соития всякий зверь печален? А я уже не зверь. Я человек и на время избавилась от этой дикой, древней тоски, я вовсе не печальна и в состоянии думать о «высоких материях».

...Чайник вскипел, и я заварила кофе в чашке. Его так и продавали, с маркировкой «кофе в чашке». Кофе в чашке — это компромисс между растворимым кофе и тем кофе, который считают настоящим и готовят по особому ритуалу, в турке, например. Или доверяют его приготовление кофемашине.

С туркой мне было лень возиться, такие проблемы всегда с ней — счет на секунды, когда готовишь кофе, а еще надо быть внимательной и отрешенной, пока стоишь у плиты и наблюдаешь за поднимающейся пенкой... Нет, нет, слишком много сложностей.

Доверить приготовление напитка кухонному гаджету? А хорошая кофемашина — вещь недешевая. Сложная. Ее придется выбирать, покупать, заказывать доставку на дом, с ней придется что-то делать, как-то ухаживать за ней, чинить, чистить и все такое... Да, чтобы приготовить вкусный кофе, надо лишь нажать кнопку, но как же остальные хлопоты (обслуживание, уход), почему их никто не хочет замечать? Мне, с моим характером, эта возня *вокруг* кофемашины тоже казалась лишней тратой времени и душевных сил.

У меня приживались не все гаджеты, обычно происходило так: я покупала их, пользовалась пару раз, а потом они стояли без дела. А я этого не люблю, когда пространство чем-то загромождено. Поэтому я либо выносила свои неприжившиеся гаджеты к помойке, ставила рядом, на подставке от ограды — аккуратно упакованными, с запиской «можно пользоваться» (утаскивали чуть ли не мгновенно),